

Тань Тяньмин, не видя брата, вынужден был придумывать оправдания. Он подошел к князю Цзиню, низко поклонился и произнес:

— Прошу прощения, Ваше Высочество. Мой младший брат с самого утра нездоров, чувствует себя крайне скверно и не смог вовремя прибыть. Прошу вашего снисхождения.

Эти слова предназначались не только князю, но и Шэнь Си. Однако не успел князь ответить, как Шэнь Си, словно и не слыша ничего, вновь повысил голос и повторил:

— Где Тань Тяньлян?

Согласно военному уставу, трижды не явиться на перекличку — преступление, караемое смертью. Тань Тяньмин понимал, что Шэнь Си намеренно придирается, но, будучи в подчинении, приходилось склонить голову. Он с еще большей покорностью повторил те же слова. Брови Шэнь Си слегка дернулись:

— Вдруг занемог? Не вчера ли он перебрал вина и забыл о долге?

— Это... как можно... — лицо Тань Тяньмина сменялось с красного на белое, он не находил слов.

В этот момент со стороны ворот лагеря послышался топот копыт, поднявший облако пыли. Лишь благодаря быстрой реакции стоявшего на входе офицера, успевшего схватиться за поводья, конь не влетел прямо в палатку. Всадником был Тань Тяньлян. Он не только нарушил запрет, ворвавшись верхом в ставку командующего, но и, когда рядовой попытался помочь ему спешиться, осыпал беднягу ударами плети за то, что тот якобы был недостаточно ловок.

Тань Тяньлян всегда отличался надменностью и высокомерием. Солдаты, не смея перечить, лишь тихо советовали:

— Господин генерал, входите же скорее, пока генерал Шэнь не разгневался.

— Генерал Шэнь? Хм! — Тань Тяньлян презрительно усмехнулся, широким шагом вошел внутрь и, увидев Шэнь Си, нехотя поклонился. — Тань Тяньлян здесь!

Шэнь Си равнодушно скользнул по нему взглядом и произнес:

— Опоздание на перекличку — нарушение дисциплины, за которое полагается наказание. Но поскольку это твой первый проступок и ты имеешь боевые заслуги, я прощаю тебя на этот раз. Впредь — никакой пощады, голова с плеч.

Видя, что Шэнь Си упомянул лишь опоздание, а о езде верхом по лагерю и запахе перегара умолчал, Тань Тяньлян решил, что тот просто не смеет ничего с ним сделать, и стал еще наглее. Их отец был ветераном трех царствований и имел огромный авторитет в армии, даже князь Цзинь относился к братьям с особым вниманием. Тань Тяньлян, естественно, ни во что не ставил Шэнь Си, у которого не было здесь никакой опоры. Только благодаря брату, который

постоянно подавал ему знаки, он выдавил из себя слова благодарности.

После завершения переключки новый главнокомандующий приступил к отдаче приказов. Шэнь Си вынул из тубуса жетон и громко произнес:

— Княжна Фэйхун, выйти вперед!

По залу пронесся гул недоумения. Неужели Шэнь Си лишился рассудка? Какой бы знатной ни была княжна, она — женщина, а разве женщине пристало командовать войсками? К тому же у нее не было ни капли способностей к этому. Более того, она была любимицей князя, и если с ее головы упадет хоть волос, князь этого так не оставит.

Князь Цзинь был удивлен не меньше других и уже хотел спросить в чем дело, как увидел, что Шэнь Си неспешно показал ему три пальца. Князь понял — это напоминание о данном ранее обещании. Ему оставалось лишь проглотить сомнения и молча сидеть на месте.

Раз князь промолчал, остальные не смели возражать. Чжан Шицзе потупил взор, надеясь посмотреть, как Шэнь Си опозорится. Братья Тань обменялись насмешливыми взглядами. Чжань Шитай был в ярости: в преддверии великой битвы князь выбрал такого полководца, Цзиньюань в опасности!

Сама княжна Фэйхун решительно шагнула вперед:

— Генерал Шэнь, я здесь!

Увидев ее нетерпение, Шэнь Си искренне улыбнулся:

— Княжна, враг у ворот, ситуация критическая. Через два дня вам надлежит возглавить женский отряд, чтобы сопроводить княгиню в храм Чуншань для вознесения молитв за успех нашей армии и благополучие народа Цзиньюаня.

— Ха! — Тань Тяньлян не сдержался и громко, чтобы все слышали, сказал брату: — Зачем нам тренироваться и выстраивать войска? Нужно просто сходить в храм и помолиться буддам! Раз боги на нашей стороне, победа у нас в кармане!

Княжна, рассчитывавшая на командование настоящим отрядом, чтобы блеснуть доблестью, была разочарована. Мало того что она не попадет на поле боя, так ей даже из города Цзиньян не дадут выйти. Она недовольно поджала губы:

— Сопровождение княгини — обязанность стражи дворца. Неужели я, особа княжеской крови, должна исполнять роль охранника?

Шэнь Си не стал тратить слова и поманил стоявшего рядом Цзинь Хулу:

— Объясни ей, в чем заключается мой замысел.

Цзинь Хулу, долгое время находившийся при Шэнь Си, многому научился, и тот решил его проверить. Однако юноша, от природы робкий, боялся ударить в грязь лицом перед всеми, поэтому долго мялся. Шэнь Си терпеливо ждал, глядя на него с поддержкой.

Наконец, вытерев вспотевшие ладони о штаны, Цзинь Хулу набрался смелости:

— Генерал учил меня, что в военное время важнее всего — успокоить народ и укрепить тыл. Татары наступают, и жители Цзиньюаня охвачены страхом. Первое, на что они будут смотреть — это на поведение княжеского двора. Если княгиня и вы уедете из города, люди в панике бросятся бежать. Но если вы останетесь и будете вести себя как обычно, народ обретет уверенность в победе. Поэтому ваш выезд по городу с отрядом девушек будет действеннее любого указа.

Только после этого объяснения все осознали мудрость Шэнь Си. Княжна, отличавшаяся простотой нрава, тут же радостно согласилась:

— Этот деревенщина прав. Генерал Шэнь, можете не беспокоиться, я исполню приказ.

Шэнь Си кивнул Цзинь Хулу. Не зря он учил этого мальчишку. Затем он достал другой жетон:

— Цзинь Хулу, выйти вперед!

В шатре снова поднялся ропот. Обычно приказы сначала отдают старшим офицерам, и первый жетон для княжны сочли лишь знаком почтения к ее титулу. Но Цзинь Хулу — сущий никто, а Шэнь Си, игнорируя заслуженных военачальников, вызывает его первым, словно оскорбляя остальных. Гудение стихло лишь после того, как князь Цзинь слегка кашлянул.

Шэнь Си не обратил внимания на реакцию окружающих:

— Возглавь новобранцев, расквартированных к западу от города Цзиньян, на верховьях реки Фэньшуй. Когда услышишь пушечный залп, атакуй по моему сигналу. Это решение предопределяет исход битвы, малейшая ошибка недопустима.

Новобранцы были вчерашними крестьянами, едва сменившими мотыги на копья. Военачальники считали, что создание этого отряда лишь разлагает дисциплину, но Шэнь Си настоял на своем. Теперь он доверяет этим дилетантам роль решающего удара и ставит во главе Цзинь Хулу — это уже казалось полным абсурдом!

Когда Цзинь Хулу отступил, Шэнь Си позвал:

— Генерал Чжань Шитай, выйти вперед!

Чжань Шитай был человеком прямолинейным и строго следовал уставу. Несмотря на неприязнь к Шэнь Си, он сдержанно ответил:

— Слушаю.

Шэнь Си протянул ему жетон:

— Твоя задача — оборонять город Цзиньян с двумя тысячами воинов и следить за обозом и провиантом. Все четверо ворот запереть, посторонним вход воспрещен. Горожане должны жить как прежде, а за распространение слухов — судить. Какие бы вести ни приходили с фронта, без моего личного приказа не смей покидать город для подкрепления. Нарушишь — ответишь по всей строгости закона!

Чжань Шитай не ожидал такого доверия после своих выходок. Шэнь Си, словно читая его мысли, прошептал:

— Я ценю вашу прямооту и честность. Именно потому, что вы считаете меня выскочкой, я докажу вам свою состоятельность и развею ваши заблуждения.

— Хм, красивые слова каждый может говорить, — буркнул Чжань Шитай, но гнев его заметно утих.

Шэнь Си слегка улыбнулся. Ему была нужна поддержка, а братья Тань были слишком ничтожны, Чжан Шицзе — слишком высокомерен. Только Чжань Шитай, режущий правду-матку в глаза, был достоин того, чтобы с ним выстроить честные отношения.

Затем Шэнь Си вызвал Чжан Шицзе:

— Господин Чжан, выведите десять тысяч кавалеристов к долине Нитунь, в сорока лилях от города. Ваша цель — задержать врага, но не лезьте на рожон, берегите жизни солдат.

Чжан Шицзе горько усмехнулся: противостоять двумстам тысячам отборных всадников Халибы с десятью тысячами человек, еще и сохраняя жизни? В чем смысл такого приказа?

Шэнь Си проигнорировал его скепсис и перешел к братьям Тань:

— А вам, генералы, приказываю с пятью тысячами конных и пятью тысячами пеших воинов занять хребет Яцюэ, в шестидесяти лилях от города. Задача та же — сдерживать врага, беречь солдат.

Тань Тяньмин помедлил и осмелился возразить:

— Хребет Яцюэ — это открытая местность, там нет укреплений. С десятью тысячами воинов против целой армии — это самоубийство, особенно с пехотой против конницы...

Тань Тяньлян, не дав брату закончить, вспыхнул:

— Старший брат, не спорь с ним! Этот Шэнь просто хочет убрать нас, чтобы мы сгинули в этой мясорубке! Он дробит силы, разве так ведут оборону? Да он просто лазутчик татар!

Тань Тяньлян, не оглядываясь, направился к выходу. Не успел он сделать шаг, как внутрь

ворвался порыв ветра, принесший тучи песка и пыли. Солдаты у входа в ужасе указали на небо:

— Смотрите! Что это?

В небе клубились странные облака, напоминавшие то разрушенные стены крепости, то рухнувшие горы. Весь лагерь накрыл туман, который рассеялся лишь когда опустился почти до самой земли.

Чжан Шицзе пробормотал:

— Неужели... это та самая звезда Интоу из древних книг?

Тань Тяньлян злорадно рассмеялся:

— Книги гласят: где упадет Интоу, там армию ждет гибель, а полководцев — смерть. Ха! Не потому ли, что наш командир вызвал гнев небес?

В шатре поднялся шум. Тань Тяньлян воспользовался моментом:

— Ваше Высочество, у этого Шэнь Няньцина нет ни таланта, ни добродетели, чтобы вести людей. Он мстит моей семье, и даже небо против него! Это дурное знамение, просим вас, одумайтесь!

Не дожидаясь ответа князя, Шэнь Си ударил по столу:

— Тань Тяньлян, я терпел тебя дважды, но третьего не будет! Взять его!

Двое солдат двинулись вперед, но прикрикнули:

— Кто посмеет?!

Солдаты, знавшие крутой нрав Тань Тяньляна, застыли в нерешительности. Шэнь Си рявкнул:

— Вы двое! За неподчинение — по сорок палок каждому!

Выпороть рядовых — это совсем другое дело. Их тут же выволокли наружу. Вскоре послышались истошные вопли, от которых у всех внутри все сжалось. Когда крики стихли, Шэнь Си снова приказал:

— Взять Тань Тяньляна!

На сей раз солдаты, помня о сорока ударах палками, не раздумывая, скрутили его и крепко связали.

— Шэнь Няньцин! Ты трус! Ты пользуешься властью! За что?!

— За что? Я объясню, — Шэнь Си глубоко вздохнул. — Где военный прокурор?

Тот вышел вперед:

— Здесь!

Шэнь Си, не сводя глаз с Тань Тяньляна, спросил:

— Что полагается за издевательский смех, пренебрежение дисциплиной и нарушение правил у врат лагеря?

Прокурор, боязливо покосившись на связанного, пробормотал:

— Это преступление против армии... полагается смерть...

Тань Тяньмин побледнел. Шэнь Си продолжил:

— А что полагается за жалобы, гнев на командующего и неподчинение приказам?

— Это... подрыв дисциплины... смерть.

— А что полагается за распространение слухов, выдумки о богах и смуту в рядах солдат?

Прокурор, покрываясь потом, выдал:

— Это разложение армии... смерть.

Шэнь Си указал на Тань Тяньляна:

— Мы договаривались: если нарушишь — никакой пощады. Забыл? — он взмахнул рукой. — Увести к воротам и казнить!

Тань Тяньлян, все еще не веря в происходящее, визжал:

— Шэнь Няньцин, ты ничтожество! Ты знаешь, кто я?! Ты не посмеешь!

Его брат Тань Тяньмин рухнул перед князем:

— Ваше Высочество, молю, ради памяти нашего отца, спасите моего брата!

Князь Цзинь знал, что Шэнь Си хочет лишь показать свою власть, но терять проверенных людей ему не хотелось.

— Няньцин, казнить генерала перед боем — дурной знак. Может, заменим на...

Не дав князю договорить, Шэнь Си отрезал:

— Вывести князя Цзиня из шатра!

Солдаты похолодели. Выгнать самого князя?! Но Шэнь Си — командующий, и они подчинились.

— Няньцин, ты... — даже терпеливый князь изменился в лице. Кто посмел так обращаться с ним? Вспомнив свои обещания, он, сдерживая ярость, молча вышел из шатра.

Тань Тяньмин в отчаянии бросился следом:

— Ваше Высочество! Ваше Высочество!

Вскоре палач принес голову Тань Тяньляна. Шэнь Си спокойно осмотрел ее, затем обвел холодным взглядом присутствующих:

— Вы — воины. Дисциплина — основа победы. Тань Тяньлян выбрал свой путь, пусть это послужит остальным уроком.

В шатре воцарилась тишина. Лишь Тань Тяньмин, припав к голове брата, трижды вскрикнул и упал без чувств.

Халиба был знаменитым батыром среди татар, искусным лучником и храбрым воином. Из-за интриг князя Цзиня он понес незаслуженные обвинения и теперь жаждал реванша.

Его армия из двухсот тысяч человек крушила все на своем пути. Вести с фронта вызывали у князя одну лишь тревогу.

Тань Тяньмин, потеряв брата, пал духом. Его отряд на открытом пространстве хребта Яцюэ был легко разгромлен татарской конницей. Чжан Шицзе поступил умнее: заманил врага в ущелье, но силы были слишком неравны, и Халиба вырвался, не понеся существенных потерь.

Теперь у города оставалось лишь главное войско Шэнь Си, а обещанного «отряда-сюрприза» Цзинь Хулу никто не видел.

Глубокой ночью князь Цзинь, не в силах уснуть, поднялся на городскую стену. В пятнадцати лиях к северу от города, на берегу реки Фэньшуй, стоял лагерь Шэнь Си. Князя терзали сомнения: он обещал не вмешиваться, но страх за Шэнь Си — словно за юного орла, чьи крылья могут сломаться в бурю, — переполнял его.

Татары приближались. Ночь была полна напряжения. Шэнь Си в последний раз обошел лагерь, проверил все приготовления и с усталым видом спустился к реке. Он позволил коню напиться, а сам зачерпнул ледяной воды и умылся, смывая с лица грязь. Вода была такой холодной, что по телу пробежала дрожь, но в этом холоде он обрел ясность мыслей.